

Преданность сцене

С огромным интересом наблюдаю за работой молодого актера Театра имени Евг. Вахтангова Евгения Карельских. Надо признать, трудится он серьезно и вдумчиво, не отказываясь ни от каких — «больших» или, «маленьких» — ролей, глубоко вникая в драматургию, обогащая как артистический, так и жизненный свой багаж. Он интересен в самых различных стихиях театральности. По-настоящему смешны его Король и рыцарь Йорк («Кот в сапогах»). Лиризмом проникнуто исполнение ролей молодого Максима Горького из пьесы «Насмешливое мое счастье» и слабовольного, но доброго Али («Женщина за зеленой дверью»). Резкими сатирическими деталями блещет гротескный образ Пубы, юрисконсульта фирмы Глембаев («Господа Глембаи»). Истинно трагичен Герцог в пушкинском «Скупом рыцаре».

Много раз случалось так, что Евгений должен был заменить заболевшего товарища, чтобы не сорвался спектакль. В результате таких срочных вводов он «вошел» в качестве постоянного исполнителя в спектакли «Человек с ружьем», «Конармия», «Антоний и Клеопатра». И пусть роли, подготовленные в лучшем случае с двух-трех репетиций, не могут полностью удовлетворить артиста, который, естественно, предпочитает более глубокое, настойчивое и продуманное вживание в образ, но и они, эти вводы, свидетельствуют не только о высокой профессиональной организованности актера, о его преданности делу театра, но и о его безусловной одаренности.

И вот Мышкин в новой сценической редакции вахтанговского спектакля «Идиот». Зная артиста по предыдущим работам, по ролям в театре и в кино, помня многих его героев — застенчивых и честных парней, вступающих на порог душевной зрелости, можно было представить себе, каким будет его Мышкин. Однако Карельских отнюдь не повто-

ряет ни себя в прежних ролях, ни своих предшественников. Он ищет свое.

У его князя внешность юноши, чистое, открытое лицо, лучистые глаза, тонкий, неокрепший голос. Он добр, безыскусен, по-детски простодушен. Свою душевную доброту он тратит щедро, не таясь и не скупясь. Его любовь-страдание к Настасье Филипповне, его привязанность к Аглае и ее семейству, его жалость к Рогожину — все это чистые чувства, не испорченные лицемерием и эгоизмом. В его бесстрашии есть самоотреченность. В его доброте — бескорыстие.

В роли найдено многое. Но работа над ней еще не завершена. Удача Карельских — это во многом удача Александры Ремизовой, режиссера, чрезвычайно внимательного к молодым талантам, Ремизова помогла молодому исполнителю отыскать и донести свое понимание напряженного, психологически утонченного мира великого писателя.

Евгений Карельских молод. Он сейчас в таком возрасте, когда дерзания, стремление идти вперед просто обязательны, потому что без высокой цели, без напряжения всех сил, без постоянной работы мысли нельзя в искусстве создавать значительное и интересное. Отрадно, что именно таким художническим максимализмом, большой духовной и физической самоотдачей отмечено начало творческого пути актера. Роль Мышкина, где словно спрессовался весь накопленный Карельских актерский опыт, — это успех. Но ведь говорить об окончательно сформировавшемся таланте еще рано. Артисту, обладающему несомненным даром сценического самовыражения, важно не только пробовать себя в разных жанрах и характерах, важно беречь и углублять свое дарование. Об этом надо подумать и самому актеру, и театру, так щедро доверяющему ему серьезные роли.

Андрей НИКОЛАЕВ.
МОСКВА.

31 ОКТ 1975

СОДЕРЖАНИЕ ПУБЛИКАЦИИ